

ЗНАМЕННЫЙ РОСПЕВ В БОГОСЛОВСКО-ЛИТУРГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (опыт истолкования)

Мысль о богослужебной сущности русского церковного пения нередко встречается в специальной научной литературе. Ее популярность стремительно возрастает в исследованиях последних десятилетий (см., в частности [9; 16; 17]). Сама по себе эта мысль не нова. Красной нитью она проходит в фундаментальной монографии И. Гарднера: «Богослужебное пение есть одна из форм самого богослужения, ... действительное средство выражения основ вероучения и православного жизнепонимания» [5, с. 39, 61]. – (Выделено мной. – И.Е.).

В предлагаемой читателю статье предпринимается попытка показать, каким именно образом песнопение выражает и может выражать «основы вероучения». В статье под определенным углом зрения [7] рассматривается один из памятников древнерусской церковно-певческой Традиции, представленный в 25 списках 5 редакций (всего – 261 песнопение; см. список рукописных источников), целиком охватывающих его историю от конца XI-начала XII до середины XIX века. Речь пойдет преимущественно о композиции и нотации песнопений I – IV редакций.

Общеизвестно, что синонимия понятий «знаменное» и «столповое» пение обусловлена особым ладово-календарным принципом организации мелодики, в соответствии с которым годовой круг церковного пения делится на несколько осмогласных столпов.

Наряду с осмогласным столпом, существует столп евангельский [5, с. 91-92; 21, с. 487], соответствующий 11 утренним воскресным чтениям Евангелия, где описываются события Воскресения, явления Христа апостолам, благословение апостолов на проповедь и Вознесение. Последование шести евангельских столпов, первый из которых начинается в первую седмицу Петрова поста, не совпадает с последованием столпов осмогласных, которое начинается со Светлой, Святой седмицы [20, т.2, с. 665]. Обособленность последования евангельских столпов служит средством выделения одной из важнейших идей Новозаветного Писания – идеи проповедования Евангелия всему миру.

Центральная (она же и сквозная) тема Евангелия – тема Воскресения Христова – свое средоточное выражение получила в особом цикле песнопений, состоящем из 11 светильнов, связанных с ними 11 богородичнов, 11 стихир евангельских (славников стихир хвалитных) и 8 богородичнов на один и тот же текст – «Преблагословенна еси, Богородице Дево».

В своем полном составе, включающем четыре жанровые группы (светильны и их богородичны, стихиры и их богородичны), евангельский столп песнопений начинает складываться с конца XV века¹ и закрепляется в рукописях с конца XVI века, а далее – в рукописях старообрядческой традиции вплоть до XIX века включительно. Самый ранний список трехсоставной подборки (без богородичнов «Преблагословенна») найден в рукописи 1437 года (РГБ, ф. 304/407); в рукописях XV-XVI веков ею, как правило, завершается книга «Стихирарь». Исторически ей предшествовала двухсоставная подборка – последовательное чередование 11 светильнов и стихир, древнейший список которой входит в состав Благовещенского кондакаря (РНБ, Q п1 № 32, конец XI- начало XII). Двухсоставная подборка в рукописях XIV-XVI веков встречается гораздо чаще, чем трехсоставная. В ряде рукописей пореформенного периода появляется также моножанровый цикл из 11 стихир евангельских, завершающий, как правило, книгу «Октоих».

Все разновидности песенного цикла евангельского столпа, за исключением моножанровой, стихирной, возглавляются светильнами. Последование песнопений соответствует чинопоследованию воскресной утрени: светильну предшествует песнопение «Свят Господь Бог наш», исполняемое после канона [21, с. 295; 25, с. 25]; за светильном и его богородичном следуют хвалитные псалмы 148-150 с их стихирами [5, с. 91-92]. Стихиры евангельские с богородичном «Преблагословенна» завершают хвалитный раздел утрени, кульминацией которого является Славословие великое, предваряемое возгласом священника «Слава Тебе, показавшему нам свет» [28, с. 59-64].

Таким образом, светильном маркируется начало евангельской темы Божественного Света в чинопоследовании утрени; светильном начинается воспевание Бога как Света и как подателя Света: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человека. ... Свет истинный, Который просвещает всякого человека, грядущего в мир» [Ин 1: 4,9]. Связь этого песнопения с темой Божественного Света закреплена в его жанровом наименовании, и в певческих рукописях первое песнопение евангельского столпа всегда именуется светильном.

В церковном Уставе принято, однако, различать светильны из «Октоиха» и из «Минеи», с одной стороны, и светильны воскресны, или эксапостилларии – с другой стороны [25, с. 25; 5, с. 91-92; 21, с. 296].

* © И. В. Ефимова, Красноярская государственная академия музыки и театра, 2006.

¹ Древнейший образец богородична «Преблагословенна еси» 1-го гласа удалось обнаружить в певческом сборнике к. XV-н. XVI века (РГБ, ф. 304/425), где он выписан в конце подборки песнопений 1-го гласа «Октоиха». Цикл светильнов и стихир евангельских в этом сборнике выписан в конце «Стихираря».

Наименование воскресных светильнов экапостилляриями (от греч. ἐξαποστειλλω – высылаю, посылаю) обычно связывают с содержанием этих песнопений, центральная идея которого – послание апостолов на проповедь [20, т.1, с. 171; 21, с. 296]. Эта идея четко сформулирована и в тексте Евангелия: «итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [Мф. 16:15]; «как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» [Ин 20:21]; «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» [Мк. 16:15]. Христос называл апостолов «сынами Света»: «Доколе Свет с вами, веруйте в Свет, да будете сынами Света» [Ин 12:36]; «Вы – свет мира... Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» [Мф. 5:14, 17].

Идея просвещения всех народов светом Божественной Истины в тексте экапостилляриев сопряжена с идеей Воскресения Христова и с идеей Спасения:

Яко Христос воскрес
никто же да не неверует (светилен 3).

Воскресению научимся.
К живоносному гробу потеем с Петром (светилен 4).

Являясь яко человек Спас, по естеству,
Посреде <учеников> став учаше,
Восстав от гроба ...
И учеником послати Утешителя обещася.
Пребожественне Человеколюбче, слава Тебе (светилен 6).

Число песнопений, образующих каждую жанровую группу евангельского столпа (кроме богородичнов «Преблагословенна») – 11, равно числу воскресных евангельских чтений, которое, в свою очередь, равно числу апостолов, упоминаемых в Евангелии, не считая предателя Иуды Искарюта. Текст воскресных светильнов и стихир, представляющий собой поэтические парафразы заключительных глав Четвероевангелия, отображает события между Воскресением и Вознесением, к которым были причастны именно 11 апостолов². Избрание по жребию апостола Матфия, восполнившее число учеников, установленное Иисусом Христом, - 12 Мк. 3:14; Лк. 6: 13-16³, записано в Деяниях апостолов Деян. 1: 23-26], т.е. в текст евангельский не входит. В евангельских главах, охватывающих время от Воскресения до Вознесения, постоянно фигурирует число 11⁴:

«Одиннадцать же учеников пошли в Галилею» [Мф. 28: 16];
«Наконец явился самим одиннадцати, возлежащим на вечери» [Мк. 16: 14];
«...возвратились в Иерусалим и нашли вместе одиннадцать апостолов» [Лк. 24: 33].

Таким образом, число светильнов – это число апостолов, образующих начаток Церкви и призванных к вселенской просветительской миссии, ознаменованной сошествием Св. Духа: «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить, как Дух давал им провещать» [Деян. 2: 2-4]. Истолкование происшедшего Писание вкладывает в уста Петра: «Петр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им: ... это есть предреченное Пророком: ... и на рабов моих и на рабынь моих ... излию от Духа моего, и будут пророчествовать» [Деян. 2: 14,16,18]. Способность говорить на разных языках дана была апостолам для проповедания Евангелия всем народам.

Общине апостолов изначально присущи свойства Церкви Христовой – единой, святой, соборной и апостольской. Эти четыре свойства «находятся в таком гармоничном сочетании, что упразднив или изменив характер одного члена этого четверочастного различия, мы упраздним само понятие Церкви», - пишет В. Лосский [12, с. 153]. Раскрывая смысл соборности, этот философ обосновывает последнюю тремя взаимосвязанными предпосылками: христологической, пневматологической и тринитарной: «Церковь есть дело Сына и Духа Святого, посланных в мир Отцом. ... Дело Сына относится к общей для всех человеческой природе – это она искуплена, очищена, воссоздана Христом; дело Духа Святого обращено к личностям; Он сообщает каждой человеческой ипостаси в Церкви полноту благодати, превращая каждого члена Церкви в

² Светилен 1 текстуально наиболее близок Мф. 28: 16-19;
светилен 2 – Мк. 16: 1-7 и Мф. 28: 1-10;
светилен 3 – Мк. 16: 9-20;
светилен 4 – Мф. 28: 1-10 и Лк. 24: 5-12;
светилен 5 – Лк. 24: 13-35 (сюжет только у Луки);
светилен 6 – Лк 24: 36-51;
светилен 7 – Ин. 20: 1-8;
светилен 8 – Ин. 20: 11-17;
светилен 9 – Ин 20: 19-28 и Лк. 24: 36-40;
светилен 10 – Ин. 21: 1-14 (сюжет только у Иоанна);
светилен 11 – Ин. 21: 15-21 (сюжет только у Иоанна).

³ О символике числа 12 см.: [1, с. 175-177].

⁴ Только в Евангелии от Иоанна Фома упоминается как один из 12 [Ин. 20: 24]. Однако в главе 13, стих 21 сказано: «Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня».

сознательного соратника Бога, личного свидетеля Истины. ... Нет единства природы без разделения лиц, нет полного расцвета личности вне единства природы. Соборность заключается в совершенном согласии этих двух начал: единства и многообразия, природы и личностей» [Там же, с. 158-159]. Вместе с тем «Церковь обладает соборностью именно потому, что посланные Отцом Сын и Дух и открыли ей Троицу. ... Соборность есть связующее начало, соединяющее Церковь с Богом, который открывает ей Себя, как Троица, и сообщает ей свойственный божественному единоразличию модус существования, порядок жизни по «образу Троицы» [Там же, с. 159]. Иными словами, «как в Боге нет единой природы вне трех лиц, так и в Церкви нет абстрактной всеобщности, но есть совершенное согласие соборного многообразия. Как в Боге каждое Лицо ... не есть часть Троицы, но всецело Бог, в силу своей неизреченной тождественности с единой природой, так и Церковь не есть некая федерация частей; она соборна в каждой из своих частей, потому что каждая часть отождествляется с целым, выражает целое, означает то, что означает целое, и вне целого не существует» [Там же, с. 160]. Поэтому соборность есть «неизреченная тождественность единства и различия по образу Отца, Сына и Святого Духа, Троицы Единосущной и Нераздельной» [Там же, с. 161].

Мысль об особом, «по образу Пресвятой Троицы», единстве Церкви насквозь пронизывает текст всех воскресных светильнов, но наиболее сильное свое выражение она получает в обобщенно-поэтической форме первого из них: «Со ученики идем .../верую Христа видети/ ... Научимся како учит крестити /во имя Отца страны вся/ и Сына и Святаго Духа/ и спребывати с ученики, яко обещася до скончания».

Таким образом, число 11 в воскресных светильнах не просто означает состав апостольской общины, но символизирует Церковь Христову, где «каждая часть» (любой из 11) «отождествляется с целым, выражает целое, означает то, что означает целое, и вне целого не существует» [12, с. 160]. Это заключение имеет прямое отношение к светильнам как феноменам церковного творчества, что будет показано в дальнейшем.

Единство, соборность апостольской Церкви исключает возможность «ранжирования» апостолов, исходя из каких-либо личных их достоинств. «Все апостолы были одинакового ранга и авторитета. Их должность была одинакова. Внутри этого сословия не было «иерархии» [23, с. 193]. И все же, среди апостолов, полный перечень которых дается только в синоптических евангелиях [Мф. 10: 2-4; Мк. 3: 16-19, Лк. 6: 14-16; см. также Деян. 1: 13-26], при незначительном расхождении в порядке перечисления имен, выделяется первая шестерица. В нее входят Симон-Петр и Андрей, Иаков и Иоанн Зеведеевы, Филипп и Варфоломей. В Евангелии от Иоанна поименованы лишь семеро апостолов, причем шестое место занимает Фома, а не Варфоломей, как в синоптических евангелиях. Седмичное число, в данном случае, отнюдь не случайно, ибо в христианской символике чисел семерка «мыслилась как число человека, означавшее его гармоническое отношение к миру, ... как чувственное выражение всеобщего порядка..., и потому была связана с учением о свойствах Духа Святаго ... и ... знаменовала собой высшую ступень познания Божественной тайны» [11, с. 28-29].

Разумеется, обособление первой шестерицы весьма условно и допустимо постольку, поскольку входящие в нее апостолы, в отличие от апостолов второй шестерицы, были удостоены личных бесед со своим Учителем, текстуально засвидетельствованных в евангелиях. Из них безусловное первенство принадлежит Симону-Петру. Его диалоги с Иисусом Христом включаются, помимо сюжета призвания апостолов [Мф. 4:17; Мк. 1:16; Лк. 6:14; Ин. 1: 37-50], в целый ряд других сюжетов, как то: хождение по водам [Мф. 14: 28-31], чудесный улов рыбы Лк. 5: 4-10]; Преображение Мк. 9: 2-9; Лк. 9: 28-36; [Мф. 17: 4-5]; предсказание об отречении [Ин 13: 35-38]; умовение ног [Ин 13: 6-9]; отречение Петра [Мф. 22: 55-62; Мк. 14:54, 66-72; Лк. 22: 54-62; Ин. 18: 16-18, 25-27] и др.

Наряду с Петром выделяются его брат Андрей (у Иоанна – «первозванный») и «дети Зеведеевы» Иаков и Иоанн – четверица первопривзванных. Так, Петр, Иаков и Иоанн были свидетелями Преображения Господня [Мф. 17: 1-12; Мк. 9: 2-9; Лк. 9: 28-36], воскресения дочери Иаировой [Мк. 6: 37-42; Лк. 8: 49-55], Гефсиманского моления о Чаше [Мф. 25: 37-45; Мк. 14: 32-41]; участниками чудесного улова [Лк. 5: 4-10]. Петр, Иаков, Иоанн и Андрей беседовали с Иисусом Христом о разрушении Иерусалима [Мк. 13: 1-5]; Иаков и Иоанн просили Христа о том, чтобы воссесть рядом с престолом Господним в Царствии Небесном [Мк. 10: 35-40]; они же намеревались истребить невежественных самаритян [Лк. 9: 52-56]. Петру и Иоанну было поручено приготовление пасхальной вечери Лк. 22:8]; эти же апостолы последовали за арестованным Учителем [Ин 18:15]; они первыми из апостолов увидели в открытом гробе пелены и сударь Воскресшего [Ин 20: 2-8] и беседовали со Христом за последней совместной трапезой Учителя и учеников [Ин 21: 12-18]. Андрей и Филипп были свидетелями чуда о пяти хлебах [Ин 6: 5-9], а также обращались к Иисусу Христу от имени тех эллинов, которые пожелали увидеть Царя Израилева, входящего в Иерусалим [Ин 12: 20-22]. Фома получил уверение от самого Иисуса Христа [Ин 14: 25-28, 20: 26-29]. Симону-Петру, Фоме, Нафанаилу и «детям Зеведеевым» на море Тивериадском явился Христос по своему Воскресении [Ин 21: 1-12]. Указания на особую близость Иоанна к Иисусу Христу неоднократно встречаются на страницах Евангелия, написанного этим апостолом [Ин 13:23; 19: 26-27; 21: 20-24].

Шесть – число неполноты, но вместе с тем – и удвоенная тройца или утроенная двойца. Символика этого числа, как и чисел 11, 12 и 7, существенна для истолкования сакрального смысла воскресных светильнов.

Наконец, следует упомянуть и о символике числа 8. По авторитетному мнению М.Скабаллановича, «ставлены воскресные ексапостилларии (вероятно, с их богородичными) византийским императором Кон-

стантином VII Порфирородным (912-959), сыном императора Льва VI Мудрого, автора стихир евангельских. ... В качестве подобнов они указываются уже в Иерусалимском «Последовании» IX-XII веков» 21, с. 298]. Надо полагать, что сей автор был человеком весьма образованным для своего времени, осведомленным в премудростях христианской нумерологии – учения о числах «как знаках Божественного предопределения и порядка в устройении мира, ... как знаках, с некоторым вероятием отображающих (и лишь так, а не воплощающих в себе всецело) главные истины Благовестия..., знаках, через которые реальная жизнь связывалась со священной Историей...» [11, с. 26].

Сфера символических ассоциаций с числом 8 обширна. Здесь достаточно акцентировать эсхатологическую семантику восьмерки как символа вечности – атрибута Церкви Христовой: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» [Мф. 16:18]. В «Откровении» Иоанна Богослова это обетование комментируется следующим образом: «И увидел я новое небо и новую землю, ... и святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, говорящий: се скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними» [Откр. 21: 1,23]; «и узрят лице Его, и имя Его будет на челах их. ... и будут царствовать во веки веков» [Откр. 22: 4,5]. Этими словами Тайнозрителя можно выразить эсхатологическое и сотериологическое значение числа 8, числа будущего века, «восьмого дня».

В творении Константина Порфирородного числа 8, 11 и 6, с присущей им сакральной семантикой, выступают, прежде всего, как знаки конструктивных принципов формы.

Словесный текст каждого из 11 светильнов, представляющий собой «строфу тропарного типа» [5, с. 91], состоит из 8 стихов-строк. Данная сегментация произведена в соответствии: а) с системой ритмических сигналов как «основного определителя молитвословного стиха» [22, с. 258]; б) с системой таких характерных признаков молитвословного стиха, как анафоры, рифмоиды, заданный порядок слов, семантические согласования, вводные части, стереотипные концовки, симметрия (см.: [3, с. 40]); в) с различными видами синтаксического параллелизма, генетически восходящего к библейскому стиху.

За основную ритмическую единицу словесного текста принимается слово или словосочетание, объединенное одним динамическим акцентом (что нормативно как для библейского, так и для фольклорного, говорного стиха. (См.: [29, с. 9]). В качестве примера реконструкции поэтической структуры молитвословного стиха приведем светильн 5 (в современной транслитерации):

Живот и путь Христос из мертвых
Клеопе и Лице спутьшествова
Имаже и познася в Еммаусе преломляя хлеб.
Ею же душа и сердца горя бываше
Егда тем глаголаше на пути
И Писание сказаше яже пострада.
С нима же воскресе, возопием:
Явижесья и Петрови.

В этой строфе семантическое согласование образуют стихи 1, 2, 5, 6, 8 и слова и сочетания слов: «путь», «спутьшествова», «на пути», «Христос из мертвых воскресе»; параллелизм – глаголы «бываше», «глаголаше», «сказаше», а также – «спутьшествова» и «пострада» (они же – рифмоиды); анафоры – «имаже», «ею же», «с нима же», «явижесья»; стереотипный концовочный глагол «возопием» отделяет предпоследний стих от последнего.

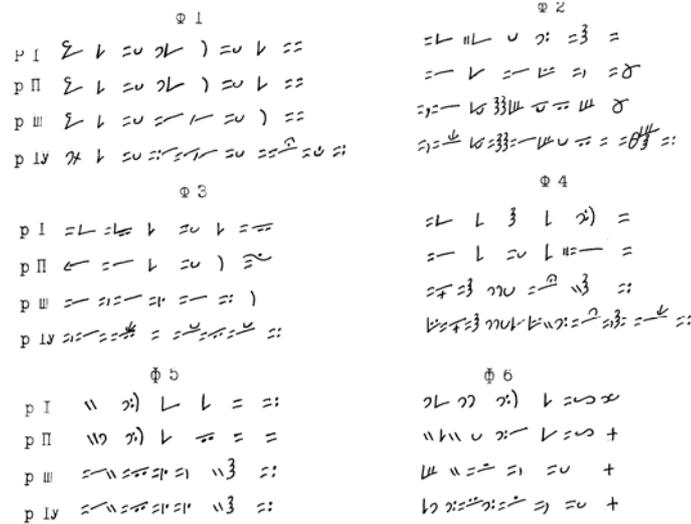
Смена фонетических редакций (старое истинноречие, раздельноречие, новое истинноречие), слегка сказавшаяся на слоговом составе и акцентной структуре стихов, ничуть не затронула восьмистрочную композицию строфы.

Композиция напева складывается из 11 мелострок, граница которых чаще всего совпадает с границами синтагм, а не стихов-строк. При этом 11 мелострок вписываются в границы 8 стиховой строфы.

Нотация каждой мелостроки представляет собой формулу, состоящую из определенного количества знамен, расположенных в строго закрепленном порядке, который регулируется необходимыми композиционными принципами. Ни одна из формул не идентифицируется с начертаниями каких-либо попевок, лиц и фит знаменного роспева, - даже в самых младших списках светильнов редакции IV, время появления которых (80-е годы XVI века) совпадает со временем появления списков редакции V, нотированных уже попевками, лицами и фитами, хорошо известными до настоящего времени. Вместе с тем в каждой из формул обнаруживаются те или иные признаки тайнозамкнутых начертаний, а именно: присутствие буквы «фита» и отдельной змийцы, не имеющих самостоятельного певческого значения, а также – тайнозамкнутых знамен – паука (петлевидного), крюка двоучельного, хамилы; следование подряд нескольких знамен, принадлежащих одному семейству, или знамен одного семейства в чередовании со знаменами другого семейства; симметрия относительно вертикальной оси начертания; характерные комбинации сдвоенных змийц, змийцы со сложитель или со статьей светлой; типовые окончания лицевых начертаний и др. (см.: [2, с. 39-43]).

В нотации светильнов I-IV редакций отчетливо выделяется шесть типовых формул. Каждая из них имеет устойчивое «ядро» (в дальнейшем оно будет именоваться моделью формулы).

Пример 1

Количество знамен в начертании модели одинаково для светильнов I-III редакций, в редакции IV оно увеличивается за счет подробной записи составных и тайнозамкненных знамен, вследствие чего кое-где появляются внутрислоговые роспевы, подтекстованные повтором гласных. Однако в редакции I-II количество знамен, образующих модель, абсолютно устойчиво.

Первая модель, инициальная по своей композиционной функции, состоит из восьми знаков, которыми репрезентируются три основных семейства знаменного «алфавита» – семейство крюков, семейство стрел и семейство статей. Среди моделей, которыми нотируются светильны I-III редакций, это – единственная восьмизнаковая модель. Все другие (за редчайшими исключениями, встречающимися только в редакции IV) состоят из шести знамен.

Модели 1-5 дублируются: сначала они записываются в основном своем виде, а при повторении варьируют в сторону количественного расширения, максимум которого приходится на 9-ю мелостроку формы, нотируемую вариантом модели 5. Модель 6 выполняет заключительную функцию и не дублируется⁵. Соотношение мелострок и формул-моделей неизменно и выглядит следующим образом:

мелостроки:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
формулы:	ф1	ф2	ф3	ф4	ф5	ф2'	ф3'	ф4'	ф5'	ф1'	ф6

Это – симметричная, «двухфазная» композиция с «рамочным» замыканием (ф1 – ф1') и «кодой» (ф6), начертание которой, «вбирая» в себя наиболее характерные знамена из формул 1-5, выполняет синтезирующую, итоговую функцию.

Восьмизнаковый состав инициальной формулы, которой в первом, открывающем цикл, светильне соответствует полустишие «Со ученики идем», правомерно рассматривать в контексте содержания всего песнопения как числовой символ Церкви в ее совершенном, вечном модусе. По определению В.Лосского, «Церковь есть средоточие вселенной, среда, в которой решаются ее судьбы (ср. со стихами светильна 1: «научимся, како учит крестити ... страны вся». – И.Е.). Все призваны войти в Церковь (ср. со стихами: «С ученики идем», «спребывати с ними ... до скончания». – И.Е.), ибо, если человек – микрокосмос, то Церковь, по святому Максиму Исповеднику, – «макроантропос». Она возрастает и формируется в истории, вводя в свое лоно избранных и соединяя их с Богом. Мир стареет и ветшает, а Церковь непрестанно оживляется и обновляется Духом Святым, источником ее жизни. В определенный момент, когда Церковь достигнет полноты своего роста, установленного волею Божию, внешний мир, истощив все свои жизненные силы, умрет, и Церковь явится тогда в своей вечной славе Царствием Божиим» [13, с. 134].

Шестизнаковый состав остальных формул-моделей, как и общее количество всех формул-моделей, ассоциируется и с первой шестерицей апостолов, и с шестью евангельскими столпами церковного календаря, и с Шестодневом – сотворением мира в течение шести «дней». Русское слово «шесть» восходит к и.-е. корню *sek, означающему «число Творения, ... символ соединения макрокосма (Бога) и микрокосма (человека)» [15, с. 239].

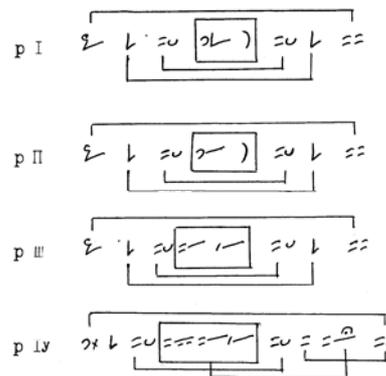
⁵ Кстати отметим, что только шестой светильен, единственный из всех в цикле, завершается «надсюжетной» концовкой «Пребожественне Человеколюбче, слава Твоему Воскресению», обобщающей смысл не только светильнов, но и всех других песнопений евангельского столпа. Отчасти это можно объяснить тем, что тексты 7-11 светильнов, в отличие от светильнов 1-6, опираются на Евангелие от Иоанна, почти утрачивая связь с евангелиями синоптическими.

Пять варьируемых формул ассоциируют с числом апостолов, не входящих в первую шестерицу. Общее количество формул, включая их варианты, равно количеству мелострок. Таким образом, 11-членная композиция светильнов символизирует апостольский аспект определения Церкви, оглашаемого в православном Символе веры (то же самое относится и к 12-членной композиции, которую приобретают светильны в редакции V). Примечательно, что модель инициальной формулы в светильных редакциях IV включает 11 знамен, а модель заключительной, шестой формулы, нотирующей 11-ю мелостроку, - 8 знамен.

Универсальным конструктивным принципом песнопения, как и каждой из образующих ее формул, является принцип симметрии. На уровне формул реализация этого принципа варьирует; на уровне формул песнопения в целом – остается неизменной. Симметрия придает художественной форме светильнов едва ли не математически выверенную соразмерность – признак архитектурного совершенства.

Почти идеальным образцом совершенной в своем роде формы, с ярко выраженными чертами зеркальной симметрии, может служить нотация инициальной формулы-модели, особенно – в списках I-III редакций.

Пример 2

Ее центр образует «двоица» знамен – стрелы голубчиковой и палки в редакциях I и II. Им соответствуют в редакции III стрелы двух разновидностей, т.е. знамена одного и того же семейства, п о д о б н ы е по отношению друг к другу. В редакции IV – это уже три стрелы, т.е. три подобных элемента. Предпосылку подобия как принципа организации «центра» начертания можно усмотреть в функциональном подобии запятой, входящей в начертание стрелы голубчиковой, и палки – знамен, объединенных приемом исполнения «выгнути» (что, в данном случае, отражено и в графическом подобии этих знамен).

Центр начертания окружен двумя парами знамен, каждая из которых представляет собой абсолютное тождество: две статьи с чашками – «малый круг» и две стопицы – «средний круг». Большой, внешний круг образуют начальный и конечный знаки формулы – знаки, противоположные в функциональном отношении. Это – параклит, инициальный по композиционной функции, и статья (в редакциях I, II, IV), выполняющая функцию торможения.

Таким образом, структуру формулы можно представить в виде т р е х кругов разного диаметра с единым центром. Аналогичной структурой тройного круга выделяется смысловой центр канонической композиции икон на сюжеты «Преображение», «София-Премудрость», «О Тебе радуется», «Вознесение».

Симметричная структура инициальной формулы в редакции II дополняется еще одной «двоицей» функционально подобных знамен – стрелы голубчиковой (каковая входит также и в центр начертания) и стрелы, замыкающей формулу; в редакции IV образуется «трехстрельный центр» и расширяется концовка, где парой статей окружена стрела с облачком, подобная стрелам из «центра» формулы. Т.е., в редакции IV отношение подобия реализуется как в бинарных, так и в троичных сопряжениях знамен. Количество бинарных или троичных структур различно в инициальных моделях той или иной редакции. Так, в редакциях I и III – это четыре подобных структуры, в редакциях II и IV - пять. Каждая модель включает одну пару знамен-«оппозиционеров», маркирующих начало и конец начертания. В редакции IV формула-модель состоит из «триады» стрел в центре начертания, окруженной парой статей с чашкой, а также – пары статей (простой и светлой), очерчивающих кадансовую зону формулы, и пары знамен - «оппозиционеров» (запятая с крыжем в начале начертания и статья светлая в конце). Кроме того, отношением подобия связываются центральная триада стрел и стрела с облачком, окруженная, так же, как и центральная триада, двумя статьями (статьей с чашкой и статьей светлой). Вследствие этого симметричная конструкция усложняется, не утрачивая, однако, своей четырехчленной основы, заданной в формуле редакции I. Числовое значение последней (4) есть кратное по отношению к восьмеричному числу знамен, образующих инициальную формулу, а также - по отношению к «двоице» подобных знамен как одному из основных элементов симметричной структуры, присущей всем формулам.

Христианскую символику числа 4 ёмко выражает текст «Канона Честному и животворящему Кресту». Приведем из него некоторые избранные строки, по содержанию близкие воскресным светильням:

Кресте всесильне, апостолом похвала,
Преподобным утверждение и верным знамение.

Кресте всечестный, четвероконечная сила,
Кресте, обоюдный меч Христов.

Четвероконечный сый мир и яко триобюдный меч...
Твоя высота воздушного князя бьет,
И глубина всей бездны закаляет змия,
Широту паки воображает, низлагая мiрскаго князя.

Кресте, небесная лестнице святыни, ...
Божий образ, назнаменателен миру,
Невидимому же и видимому единочестна.

Крест душам слава и верным держава.

Воздвигл еси наше падшее естество,
Христом распеншимся, и совоставив.
Высота божественная, глубина неизглаголанная,
Христово ты еси знамение, Кресте пребогато,
И широта безмерная,
И знамение непостижимыя Троицы, Жизноносче.

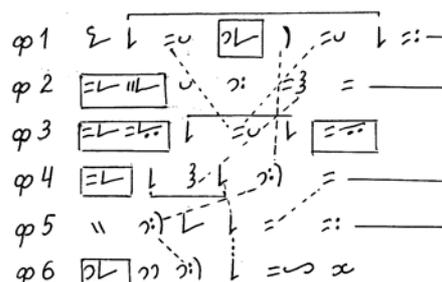
В числовых соотношениях структур, придающих симметрию инициальной формуле, отображается символика Креста и как «апостолом похвала», и как «обоюдного» и «триобюдного меча», и как «четвероко-нечного мiра», и как «Божиего образа, назнаменательного мiру» - вселенской Церкви, и как «Христово зна-мение», и как «знамение непостижимыя Троицы». Иначе говоря, четырехчленная, состоящая из четырех подобных элементов структура инициальной формулы есть символизация Христологического, Тринитарно-го и экклезиологического догматов православия. Прибегая поневоле к схематизации, конкретизируем дан-ный тезис.

Символика Христологического догмата (о соединении во Христе природы божественной и природы че-ловеческой) локализована в «двоице» подобных знамен, а также в парности подобных элементов начертания; символика экклезиологического догмата – в антиномии единства и множества: знамена разных се-мейств, не теряя своей индивидуальности, объединяются в единое целое посредством многоуровневой сис-темы уподоблений и параллелизмов; последняя, в свою очередь, подчиняется принципу троичности: три пары подобных знаков, три «круга», охватывающих «центр» начертания.

В итоге принцип подобия, а также числовое значение соотношений между элементами начертания сим-волизируют идею Сотворения – сотворения мiра божественными энергиями, которые Дионисий Ареопагит отождествляет с «идеями», или «образцами» – «причинами, придающими сущность вещам, ... ибо ими Сверхсущностный Бог предопределил и создал всяческое»... как «гармоническое расположение», как «див-но составленную песнь в похвалу всемогущей Силе» (цит. по: [13, с. 73]); сотворению человека по образу и подобию Бога.

Описанные свойства инициальной формулы-модели проявляются так или иначе во всех остальных фор-мулах, по отношению к которым первая выступает в качестве о б р а з ц а . Это отношение раскрывается при последовательном сопоставлении шести базовых формул, связанных друг с другом посредством варьируе-мых элементов начертания. Так, например, в редакции 1 благодаря стрелам уподобляются формулы 1-4 и 6, причем в ф1, ф4 и ф6 – по одной стреле; в ф2 – две стрелы в начале начертания; в ф3 – две стрелы в начале и одна стрела в конце начертания.

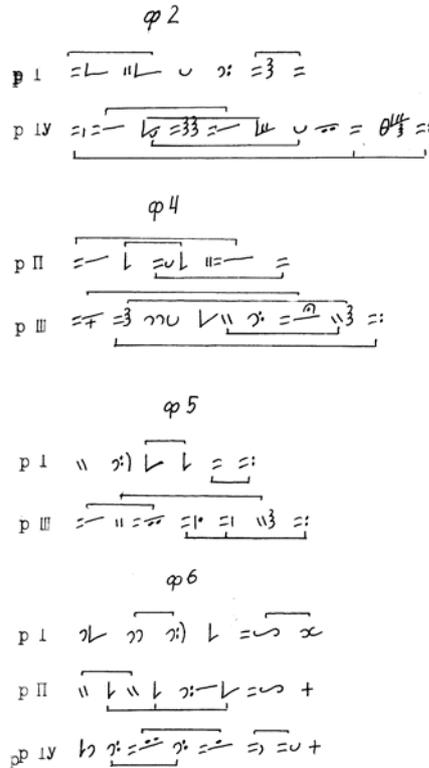
Пример 3

Благодаря статьям с чашкой уподобляются ф1 и ф3; благодаря стопицам - все формулы, кроме второй; благодаря запятым различных разновидностей, в том числе и двойным запятым, - формулы 2, 4, 5 и 6; благодаря змийцам – ф2 и ф4, благодаря статьям (кроме статьи с чашкой) – все формулы, за исключением ф3.

Уподоблению формул способствует также последовательно выдерживаемый принцип симметрии, проявления которого весьма разнообразны.

Пример 4

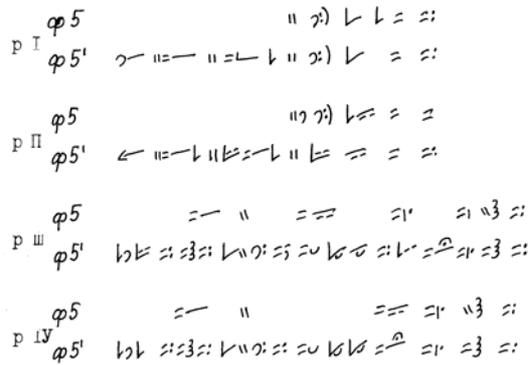
Обновление происходит путем внедрения в каждую последующую формулу одного или нескольких знамен, которые в предыдущей формуле не встречались. Так, например, в редакции II ф2 обновляется благодаря включению скамейцы, статьи закрытой и статьи простой; ф3 – осоки и статьи с рожком; ф4 – кратемы; ф5 – сложити с запятой и запятой с палкой; ф6 – стрелы голубчиковой светлой. Максимальной степенью обновления знакового состава отличается формула, заключительная по отношению к формуле инициальной. Это – закономерность, общая для всех светильнов I-IV редакций.

Несмотря на «сквозную нить» преемственности начертание каждой формулы имеет свое неповторимое «лицо», определяемое, во-первых, одним или несколькими, характерными только для нее, знаменами, во-вторых, оригинальным сочетанием или группировкой знамен, входящих в ее начертание. Так, например, своеобразие ф1 в редакции I определяется сочетанием стрелы голубчиковой крюковой и палки, а также – ее зеркально-симметричной структурой; ф3 в редакции II и IV – чередованием статей и стрел, придающим ее начертанию относительное единообразие; ф4 в редакции II – кратемой, в редакции II и IV – характерным сочетанием змийцы статейной с хамилою; ф5 в редакции I и II – сложитьей, в редакции IV – скоплением статей во второй половине начертания; ф6 в редакции I и II – появлением двойных запятых и рожков.

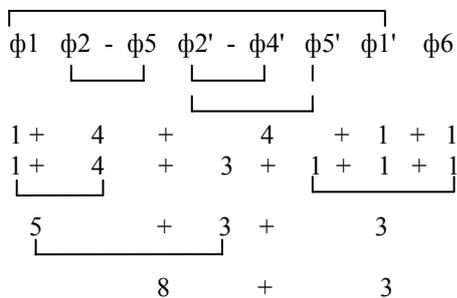
Таким образом, складывается относительное равновесие тождества и контраста, стабильных и мобильных факторов организации – как в границах каждой отдельно взятой формулы, так и в границах последовательного ряда формул.

Все сказанное выше относится и к вариантам пяти формул, отличающихся, однако, более интенсивной вариабельностью знакового состава, по сравнению с их исходными начертаниями. Максимум изменений приходится, как правило, на 9-ю мелостроку, нотируемую вариантом ф5. Таким способом выделяется кульминационная зона в форме песнопений.

Пример 5

При этом значительное расширение варианта φ5 не только обособляет его в ряду 11 формул композиции, но и обуславливает определенное количественное соотношение формул основного вида, формул-вариантов и «одинокой» конечной формулы:

Конечным числовым соотношением фиксируется деление формы на два «отрезка». Соотношение количества формул, входящих в тот и в другой, с общим количеством формул, образующих композицию песнопения, выражается периодической дробью с одними и теми же цифрами:

$$3 : 11 = 0,272727\dots;$$

$$8 : 11 = 0,727272\dots$$

В расчете по формуле гармонической пропорции получаем следующее соотношение:

$$11 : 3 = 3 : 8;$$

$$3,666 \sim 0,375;$$

$$3,7 \sim 0,37.$$

Числовые соотношения композиционных структур, предшествующие соотношению итоговому, также выражаются периодическими дробями:

$$(\phi2-\phi5) 4 : 11 = 0,363636\dots;$$

$$(\phi1-\phi5) 5 : 11 = 0,454545\dots;$$

$$(\phi2'-\phi6) 6 : 11 = 0,545454\dots$$

Все числовые соотношения (кроме гармонической пропорции) имеют наибольшим общим кратным 9, наименьшим – 3.

Собственно «золотую пропорцию» образуют слагаемые докульминационной части формы: φ1 – φ5/φ2' – φ4', т.е. 5/3 = 1,6. Это, в свою очередь, позволяет «обособить» заключительную триаду формул: φ5'-φ1'-φ6.

Приведенные выше выкладки можно рассматривать как числовое выражение таких структурных закономерностей формы светильнов, как симметричность, пропорциональность, подобие, целостность.

По данным лингвистической генетики, семантический спектр слова-понятия «число» (от праславянск. čit-slo) основой своей имеет триаду взаимосвязанных значений «считать-читать-почитать», восходящую к семантике числа как «воплощения космогонической диады «начало-конец» (см.: [15, с. 67]), которая, по сути, сводится к формуле сотворения: альфа - омега. Праславянская языковая форма čit-slo синонимична греческим лексемам αριθμέω - считать (обратить внимание на начальную и конечную буквы написания этого слова), «αριθμός - число, мера, счисление, счет как искусство или наука; αριθμός (приводит в порядок, устраивать), αριθμικός (гармонический), αριθμός (соразмерность, образ, вид), которые восходят к индоевропейскому корню г.та «рита», мировой порядок, закон и к лат. «ritus», «ритуал», «упорядоченное священнодействие» (Ю.Степанов), а также к и.е. корню *kueis -/*kueit – со значением «читать», «считать», «произносить молитвы». ...Таким образом, и греческое, и латинское, и славянское обозначения понятий число ... семантически сходятся в одной предметной области и сопрягаются с понятиями: устройство, позна-

богослужбных книгах буквенной системе нумерации). Примером тому может служить список светильников из рукописи «многочисленного Пимины» (РГБ, ф.304/407, 1438г.), входящих в трехжанровую подборку (светильны-богородичны-стихиры). В этой подборке за первым светильником с гласовым указанием (глас 1) следует его богородичен под номером, но без гласового указания, затем – стихира первая с соответствующим гласовым обозначением. Так же – и далее: светильны и богородичны только нумеруются, стихиры записываются с гласовым их обозначением.

Напев стихир, судя по их нотации, имеет формульное строение, но образующие его формулы различны по их знаковому составу как в границах каждого отдельно взятого песнопения, так и в границах «стихирного» цикла в целом. Различно и количество формул в разных стихирах. Следовательно, стихиры различаются по своему мелодическому содержанию, что нормативно для песнопений осмогласных.

Напев светильников, как было показано, – так же формульного строения. При этом все 11 светильников подобны по нотации, «архетип» которой предзадан в первом светильнике. Это означает, что «напев светильников не следует гласовой мелодии, а совершенно с а м о г л а с е н (выделено мной – И.Е.) ...», чем светильник выделяется из всех песнопений утрени. ... В Иерусалимском последовании IX-XII в. он указан с присоединением подобна или с замечанием «самогласен» [21, с. 296-297], и «судя по тому, что во всех случаях называется неизменно в качестве подобна 1-й воскресный светильник, можно думать, что все 11 эксапостиллариев имели одну мелодию» [Там же, с. 298].

Предположение дореволюционного ученого подтверждается наблюдениями, изложенными выше. Каждый из светильников подобен первому, открывающему цикл; любой из них подобен любому другому. Но подобие сочетается с последовательным обновлением, благодаря чему форма светильничного цикла становится спиралевидной (точно так же, как и форма каждого отдельно взятого светильника). В этом ее качестве как бы воспроизводится архитектура универсума: интуиция древнего дохристианского мира, согласно которой «космос – единая, вечная, живая и совершенная сфера ... устроена по принципу прядильного колеса» [6, с. 56], нашла подтверждение в новейшей научной модели мироздания, основой которого считаются торсионные, «скрученные» поля. «Вселенная, как супер-ЭВМ, образует с человеческим миром своеобразный биокомпьютер, работающий в соответствии с торсионными законами, то есть ... по принципам скрученной спирали. Спираль – и в фундаменте мироздания (торсионные поля). Она – и в основе человека как биологического существа (молекула ДНК = двойная спираль Уотсона – Крика) ...» [6, с. 151]⁶.

Варьирование, размыкающее статичную замкнутую структуру круга в динамичную открытую структуру спирали, ученые-специалисты относят к разряду универсальных элементов первобытной символики, через которую проявляются «фундаментальные оперативные свойства психики ...», «ментальные структуры», закономерно продолженные в логико-математических операциях и одновременно относящиеся к происхождению искусства и науки» [27, с. 124, 125].

Зафиксированные в предыдущем анализе числовые константы, выражающие разнообразные проявления симметрии и подобия, характеризуют форму светильников, репрезентированную их нотацией, как «хранилище» определенных сакральных смыслов. Ибо число – «не столько средство счета, сколько знак, несущий религиозно-семантическую нагрузку. ... Числовая упорядоченность наблюдается не только в физическом мире (через неизменность фундаментальных физических постоянных – скорость света, постоянная Планка, заряд электрона, постоянная тонкой структуры» [18, с. 90], но и «в языке: закон Ципфа отражает числовую регулярность не только письменного текста, но и текстов биотаксономии. ... <Этот> закон действителен для высокоорганизованных текстов» [Там же, с. 96]. Любой текст характеризуется «дискретной (семиотической) и континуальной (семантической) составляющими, каждая из которых ... определяется вероятностью, задаваемой структурой смыслов. Смыслы – это то, что делает знаковую систему текстом. ... Спрессованность смыслов – это непроявленный мир, ... <который> в соответствии с формулой Бейеса из математической статистики есть открытая семантическая система» [18, 17].

Суммируя все сказанное, представляется возможным интерпретировать композиционные закономерности светильников как символизацию комплекса идей, образующих семантический континуум рассмотренных гимнографических текстов.

Так, начальная композиционная единица (ф1), сопряженная с заключительной триадой формул, в центре которой – вариант начальной формулы, ассоциируется с божественной первопричиной сотворения – Пресвятой Троицей единосущной, неслитной, нераздельной. По словам Г. Флоровского, «для мира Бог есть начало и предел, источник существования и цель всех стремлений» [26, с. 152]. Восьмизнаковый состав ф1 (как и восьмиформульный состав докульминационной части композиции) символизирует мироздание в его божественном замысле, т.е. мироздание, сопрячающее вечности как атрибуту Бога. Двухзнаковое «ядро», центр формульных начертаний, символизирует Второе Лицо Пресвятой Троицы, Логос – творческий прин-

⁶ Ср. со следующими данными:

1. «Мальтийские спирали» мальтино-буретской культуры и мезинские меандры – две разновидности одного символа, связанного с динамикой лунных циклов» [27, 93].
2. В древнейших семитских алфавитах значение буквы таут – «клубок» – обозначалось знаком «крест в круге». См.: 14, 91.
3. В кабалистическом учении знак «крест в круге» трактуется как знак вихреобразования, образующего поле. См.: 4, 464, 476.

- РГБ, ф. 304/422, 1-я четв. XVI в.; лл. 95-101.
 РГБ, ф. 304/421, до 1528 г.; лл. 431-438.
- РЕДАКЦИЯ IV: РНБ, Кир.-Бел. № 606/863, сер. XVI в.; лл. 165об.-174об.
 РНБ, Кир.-Бел. № 652/909, 1558 г.; лл. 419об.-427об.
 РНБ, QI № 898, 1573 г.; лл. 147-152об.
 РГБ, ф. 304/415, до 1576 г.; лл. 243-249.
 РНБ, Кир.-Бел. № 669/926, 80-е XVI в.; лл. 157об.-162.
 РГБ, ф. 304/428, конец XVI-начало XVII вв.; лл. 171-178об.
 РГБ, ф. 304/425, конец XVI-начало XVII вв.; лл. 334об.-349.
- РЕДАКЦИЯ V: РГБ, ф.304/430, 1584-1598 г.; лл. 366об.-389.
 РНБ, Кир.-Бел. № 681/938, 1598-1605 гг.; лл. 13об.-18.
 РНБ, Пог. № 380, 1601 г.; лл. 275-281об.
 БРАН, Археол. Ин-т, № 14, к.XVI-н.XVII вв.; лл. 345об.-357.
 РНБ, Пог. № 417, 30-е годы XVII в.; лл. 286-293.
 РНБ, Вяз. О. 80, 1613-1645 годы; лл. 143об.-269об.
 БРАН, Поморск. № 45, 2-я четв. XIX в.; лл. 183об.-200.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Двенадцать апостолов/ С.С. Аверинцев //Мифологический словарь. – М., 1990. – С. 175-177.
2. Бражников М.В. Лица и фиты знаменного роспева/М.В. Бражников. – Л., 1984.
3. Былинин В.К. К проблеме славянской гимнографии (X-XII вв.)/В.К. Былинин //Славянские литературы. – М., 1988. – С. 36-45.
4. Великие арканы таро. Абсолютные начала синтетической философии эзотеризма. Опыт комментария Влад. Шмакова. – Киев, 1993.
5. Гарднер И.А. Богослужбное пение русской православной Церкви. Сущность, система и история/ И.А. Гарднер. – Джорданвилль, Нью-Йорк, 1977. – Т.1.
6. Демин В.Н. Тайны вселенной/В.Н. Демин. – М., 1999.
7. Ефимова И.В. Понятие интонации в его отношении к русской церковно-певческой гимнографии (методический аспект)/И.В. Ефимова//Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – Красноярск, 2005. - Вып. 3. – С. 44-49.
8. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. В 2-х томах/В.В. Зеньковский. – Париж, 1964. – Т.2.
9. Карабань М.Г. Логико-метафизические аспекты исследования лада в области православной музыкальной культуры: автореф. дис. ... канд. искусств/М.Г. Карабань. – М., 1999.
10. Киприан (Керн), архимандрит. Евхаристия/Киприан (Керн). – М., 2001.
11. Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVI века)/В.М. Кириллин. – СПб., 2001.
12. Лосский В.Н. О третьем свойстве Церкви //Лосский В.Н. По Образу и Подобию. – М., 1995. – С. 152-161.
13. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие/ В.Н. Лосский. – М., 1991.
14. Лундин А.Г. Дешифровка протосемитского письма/А.Г.Лундин. – М., 1991.
15. Маковский М.М. Язык. Миф. Культура/М.М. Маковский. – М., 1996.
16. Мартынов В.И. Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси/В.И. Мартынов. – М., 2000.
17. Мартынов В.И. Пение, игра и молитва в русской богослужбной системе/В.И. Мартынов. – М., 1997.
18. Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье/В.В. Налимов. – М., 2000.
19. Осипов В.И. Путь разума в поисках истины. Основное богословие/В.И. Осипов. – М., 1997.
20. Полный церковно-славянский словарь /Сост. Г. Дьяченко. В 2-х томах. – М., 1993.
21. Скабалланович М. Толковый Типикон/ М. Скабалланович. Киев, 1913. – Вып. 2.
22. Тарановский К. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе //Тарановский К. О поэзии и поэтике. – М., 2000. – С. 257-273.
23. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета /Издание преемников А.П. Лопухина. – СПб., 1911-1913. – Т.8.
24. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику/В.Н. Топоров //Архаический ритуал в фольклоре и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 7-66.
25. Устав богослужения православной Церкви в вопросах и ответах. – М., 1996.
26. Флоровский Г.В. Восточные Отцы IV века/ Г.В. Флоровский. – Париж, 1931.
27. Фролов Б.А. Первобытная графика Европы/Б.А. Фролов. – М., 1992.
28. Часослов. – М., 1984.
29. Якобсон Р.О. О стихе Маяковского //Якобсон Р. О. Тексты, документы, исследования. – М., 1999. – С. 8-19.